

Даниил приводит при этом одну из „мирских притч“ (к которым он вообще часто обращается): „ни птица во птицах сычь, ни в зверех зверь еж, ни рыба в рыбах рак, ни скот в скотех коза, ни холоп в холопех хто у холопа работает, ни муж в мужех, кто жены слушает“.¹

Есть и другая возможность как-то устроиться и избежать нищеты — постричься в чернецы. Но поступить в монастырь, не имея к этому настоящего призвания, это значило бы солгать перед богом. За этим следует выразительное осуждение праздношатающихся монахов, облачающихся в „ангельский образ“ единственно для того, чтобы хорошо пожить, сладко пить и есть: „Мнози бо, отшедше мира сего во иноческа, и паки возвращаются на мирское житие, аки пес на своя блевотины, и на мирское гонение; обидят села и дома славных мира сего, яко пси ласкосердии. Иде же брацы и пирове, ту черньцы и черницы и беззаконие: ангелский имея на себе образ, а блядной нрав; святительский имея на себе сан, а обычаем похабен“.²

Заканчивается послание молитвой к богу, чтобы он укрепил силу князя и утвердил его людей, чтобы он не дал в полон землю нашу иноплеменикам, чтобы он дал людям князя силу Самсона, храбрость Александра, целомудрие Иосифа, мудрость Соломона, кротость Давида. „Умножи люди своя, — говорится в заключительных словах, обращенных к князю, — во веки под державою твоею, да тя славит вся страна и всяко дыхание человече“.³

Таково в общих чертах содержание и Слова, и Моления, хотя второй редактор значительно переработал предыдущий текст, усилив и выделив те основные идеи, которые были уже заложены в первой редакции. Что же это за идеи, интересы какой социальной среды они выражают, какова общественная значимость всего памятника в целом?

Вопрос о социальной среде, к которой принадлежал Даниил Заточник, неоднократно рассматривался в нашей ученой литературе, но преимущественно в плане литературоведческом, с целью уточнить и приумножить те скудные биографические данные, которые можно извлечь об авторе Слова из самого памятника. Относя Даниила Заточ-

¹ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 69.

² Там же, стр. 70. Против таких монахов восставали и горожане, которым претил их паразитизм, и сама церковь, не желавшая кормить ненужных ей людей. Это нашло отражение в целом ряде памятников. В Измарагде Соловецкой библиотеки (№ 270), написанном в конце XV—нач. XVI в., имеется специальное Слово, направленное против тех людей, которые, желая избавиться от тягот житейских, уходят от своих семейств в монастырь. „Аще ли кто нищеты ради, — говорится в Слове, — отходит в монастырь или детей не могый кормити, отбегает их не мога печаловатися ими, то уже не божия дея любве отходит таковый, ни потрудитися богу хошет, но чреву си угодие творит. Отбегая порожения своего (бросая детей. — И. Б.), таковый веры ся отмошет и есть поганого горши“ (Православный собеседник, 1858, декабрь, стр. 512).

³ Памятники древне-русской литературы, вып. 3, стр. 73.